

Се Хуайде провёл в комнате Сюй Чжися чуть больше получаса, чувствуя себя так, словно каждый день тянулся целый год. Большую часть времени он стоял спиной к Сюй Чжися и смотрел в окно, ощущая, как головная боль становится всё сильнее, а задняя часть шеи затекает. Он как раз раздумывал над тем, под каким бы предлогом сбежать вниз, как вдруг услышал доносящиеся снизу весёлые голоса матери и тети Чэнь — судя по всему, они прощались.

У него отлегло от сердца, и он тут же повернулся, собираясь выйти.

— Мам, мы разве... — приоткрыв дверь, он не успел договорить, как слова застряли в горле.

Его мать стояла у верха лестницы, держа в руках лишь собственную сумочку, а на её лице застыла самая естественная улыбка:

— Малыш Дье, маме тут вдруг срочно нужно съездить с твоим папой кое-что уладить. Ты пока побудь в гостях у тети Чэнь, мы заберем тебя вечером.

В голове Се Хуайде словно гулко зазвенело, на мгновение там образовалась абсолютная пустота.

— Что? — он едва верил собственным ушам. — Я...

— Ой, вы с Чжися как раз вдоволь наобщаетесь. Послушайся, тетя Чэнь специально ради этого вернулась.

Не дожидаясь, пока Се Хуайде сможет снова заговорить, мать решительно повернулась и зашагала к выходу вслед за ждавшим у дверей отцом и тетей Чэнь, которая провожала гостей. Тетя Чэнь даже обернулась и улыбнулась ему и стоявшему за его спиной в дверях Сюй Чжися:

— Чжися, присмотри за малышом Дье!

Входная дверь тихонько щелкнула и закрылась.

Вилла мгновенно погрузилась в тишину. В ней остались только они вдвоем с Сюй Чжися, да витавший в воздухе ещё не развеявшийся сладковатый шлейф материнских духов.

Се Хуайде так и замер на пороге, его пальцы всё ещё лежали на дверной ручке, передавая ощущение холодного металла. Ему казалось, будто его бросили здесь на произвол судьбы.

Головная боль резко усилилась, словно невидимая веревка сдавливала виски. Он прикрыл глаза и глубоко вдохнув, попытался подавить подступающую злость и охватившую его растерянность, которой некуда было деться.

Он медленно повернулся.

Сюй Чжися по-прежнему стоял у двери своей комнаты и смотрел на него. На его лице не было ни тени удивления — казалось, он заранее знал, что всё так и будет.

— Ты с самого начала знал? — голос Се Хуайде немного охрип.

Сюй Чжися не стал ни подтверждать, ни отрицать, лишь слегка качнулся в сторону:

— Заходи, подождем внутри.

Се Хуайде остался стоять на месте. Ему сейчас не хотелось ни единой лишней секунды находиться в комнате, пропитанной присутствием Сюй Чжися.

— Я внизу подожду, — сжато бросил он, развернулся и зашагал вниз по лестнице.

Гостиная была пуста и казалась ещё более безжизненной, чем раньше. Он опустился на диван, чувствуя себя крайне неудобно всем телом. На журнальном столике по-прежнему стояли недопитый чай и нетронутое печенье, напоминая о только что завершившемся визите, от которого у него было ощущение, будто он сидит на иголках.

Время тянулось медленно, секунда за секундой, и каждая казалась бесконечно длинной. Се Хуайде достал телефон, разблокировал экран, заблокировал, повторил это несколько раз, но так и не смог сосредоточиться ни на чем. Голова всё ещё тупо ныла, а накопившееся внутри раздражение некуда было выплеснуть.

Он услышал легкие шаги наверху: Сюй Чжися, судя по всему, тоже спустился, но не пошел в гостиную, а направился в сторону кухни. Вскоре оттуда донесся шум закипающей воды.

Еще через некоторое время Сюй Чжися подошел с чашкой в руке и поставил её на журнальный столик перед Се Хуайде. Чашка была самой обычной, стеклянной, а внутри плескалась чистая прозрачная вода.

— Попей воды, — произнес Сюй Чжися и, не задерживаясь, снова поднялся наверх.

Се Хуайде некоторое время смотрел на эту чашку, не прикасаясь к ней.

Он откинулся на спинку дивана, глядя на огромную люстру на потолке, и в его голове крутилась лишь одна мысль: это, пожалуй, самый долгий и паршивый день в его жизни. А перспектива оказаться «брошенным» родной матерью в доме «заклятого врага» и вовсе казалась ударом в спину.

Он всерьез задумался над тем, сколько времени у него уйдет на то, чтобы пешком дойти до дома.

Се Хуайде и сам не знал, сколько просидел в пустой гостиной, пока сероватый дневной свет за окном постепенно не сменился мрачным сине-черным сумеречным небом. Головная боль немного утихла, но ощущение того, что он сидит как на иголках, ничуть не уменьшилось. Он несколько раз брался за телефон, собираясь позвонить матери, но пальцы замирали над кнопкой вызова, и в конце концов он в бессилии опускал руку.

Наверху стояла полная тишина — Сюй Чжися, казалось, полностью погрузился в собственный мир.

Как раз когда у Се Хуайде от голода уже засосало под ложечкой, и он начал размышлять, не заглянуть ли на кухню в поисках какой-нибудь еды, вернулась тетя Чэнь. В руках у неё было несколько пакетов из супермаркета, от нее веяло уличным холодом, а на лице сияла улыбка.

— Малыш Дье, заждался? Тетя ходила в магазин, вечером приготовлю вам что-нибудь вкусненькое! — заметив на журнальном столике нетронутую чашку воды, она чуть заметно изменилась в лице, но расспрашивать ни о чем не стала и напрямик направилась с пакетами на кухню.

Вскоре из кухни донеслись звуки мытья, нарезки и жарки, а вместе с ними — аппетитные ароматы еды. Это оживление придало холодной вилле немного уюта, но в то же время заставило Се Хуайде еще острее осознать, где именно он находится.

Сюй Чжися тоже спустился сверху и зашел на кухню помочь. Он говорил очень мало: в основном говорила тетя Чэнь, а он лишь изредка отзывался или подавал какие-то вещи. Их общение между матерью и сыном выглядело естественным, но сквозь него проступала какая-то необъяснимая отчужденность.

Ужин был готов быстро, блюд оказалось множество, и они устали весь обеденный стол.

— Малыш Дье, иди садись скорее, попробуй стряпню тети, посмотри, не разучилась ли я готовить, — радушно пригласила тетя Чэнь.

Се Хуайде перебрался к обеденному столу и занял место, указанное тетей Чэнь, а Сюй Чжися молча устроился напротив него.

Ужин прошел в необычайной тишине. Тетя Чэнь изо всех сил старалась поддерживать разговор, расспрашивая Се Хуайде об учебе, увлечениях и прочих вещах. Се Хуайде отвечал коротко и небрежно: «Нормально», «Ничего особенного», «Угу».

Сюй Чжися же почти не раскрывал рта и отвечал самыми короткими словами лишь тогда,

когда к нему обращалась мать.

Поглядев на этих двух молчунов, тетя Чэнь с досадой улыбнулась и перестала настаивать, лишь то и дело подкладывала Се Хуайде еду:

— Ешь побольше, смотри, какой ты худой.

После ужина Се Хуайде понадеялся, что наконец-то свободен. Он помог отнести посуду на кухню и стал ждать приезда родителей.

Однако, когда приблизилось восемь часов вечера, вместо этого раздался звонок от матери.

— Малыш Дье, — виновато произнес голос матери на том конце провода. — Мы еще не всё закончили, судя по всему, освободимся очень поздно. Твоя тетя Чэнь говорит, оставайся ночевать у них, а завтра мы тебя заберем, хорошо?

Пальцы Се Хуайде, сжимавшие телефон, мгновенно побелели. Он открыл рот, собираясь отказаться и заявить, что сможет вернуться на такси, но слова застряли на языке: стоило ему взглянуть на участливый взгляд тети Чэнь, стоявшей неподалеку, как он судорожно сглотнул всё обратно.

— ...Хорошо, — услышал он собственный сухой голос.

Положив трубку, он так и остался стоять на месте, чувствуя, как из него выкачивают последние остатки сил.

— Комнату тебе уже привели в порядок, она как раз рядом с комнатой Чжися, туалетные принадлежности тоже новые положили, — мягко сказала тетя Чэнь. — Чувствуй себя как дома, не стесняйся.

— Хорошо, спасибо, тетя. — Бросив короткий ответ, Се Хуайде скользнул взглядом в сторону дивана, где незадолго до этого читал книгу Сюй Чжися. Однако в гостиной того уже не было.

Тетя Чэнь проводила Се Хуайде на вторую этаж в гостевую спальню. Комната оказалась очень чистой, кровать застелена аккуратно, от неё исходил легкий свежий запах только что проведенной уборки. В отдельной ванной комнате действительно стояли запечатанные зубные щетки и полотенца.

Дав еще пару напутствий, тетя Чэнь прикрыла за собой дверь и ушла.

В комнате воцарилась абсолютная тишина.

Се Хуайде стоял посреди комнаты, глядя на незнакомую кровать, и чувствовал, как головная боль грозит вернуться с новой силой. Он подошел к окну и приоткрыл краешек занавески: за ней расстился темный, безмолвный двор, вдали мерцали редкие огоньки.

Его оставили ночевать.

В доме Сюй Чжися.

Это осознание сдавило ему грудь. Раздраженно взъерошив волосы, он направился в ванную и умылся холодной водой. Ледяная влага обожгла кожу, немного прогнав усталость и царивший в голове хаос.

Подняв голову, он увидел в зеркале свое бледное лицо, в глазах которого читалось явное отвращение и едва уловимая растерянность.

Он глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

Эта ночь обещала быть тяжелой.

<http://bllate.org/book/21841/2264373>